

Д. И. ЧИЖЕВСКИЙ

Тютчев и немецкий романтизм *

1

Тютчев, вне всякого сомнения, принадлежит к самым выдающимся русским поэтам. Несмотря на это, все историко-литературные исследования о нем представляют собой не более чем попытки, побуждения, наброски. Некоторые статьи (как, например, Р. Брандта **) опубликованы только как подготовительные (*unvollendete*) материалы. Было предпринято, конечно, немало попыток осознать и философски измерить всю глубину тютчевской мысли ***. Но даже эти попытки, которые отводили Тютчеву значительное место в истории русской философской мысли (*philosophisches Bewusstsein*), не смогли послужить толчком для дальнейших литературно-исторических исследований.

На пути каждого исследователя творчества Тютчева стоит, конечно, много трудностей. Большую и самую важную для своего духового развития часть жизни Тютчев провел за границей.

---

* Превосходный философский анализ философского содержания поэзии Тютчева представляет С. Франк в этом же журнале (Вып. III (1926). С. 20 и далее). Опускаю многие моменты, предполагая, что читатель знаком с этой проницательной работой.

** Известия Отделения русского языка. Том XVI. Кн. 2 и 3.

*** В. Соловьев («Вестник Европы», 1895 и «Сочинения»), А. Волынский («Книга великого гнева», 1904), А. Горнфельд, 1903, В. Брюсов (1911, вступительная статья к «Сочинениям» Тютчева), Д. С. Дарский (Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. М., 1914. Эта книга, к сожалению, была для меня недоступной), С. Франк («Космическое чувство в поэзии Тютчева» в сборнике «Живое знание» (Берлин, 1923); раньше — в «Русской мысли» <1913. № 11. — *Ред.*>).

Будучи на службе русского дипломатического корпуса, он в девятнадцатилетнем возрасте (в 1822 году) едет в Мюнхен и пребывает за границей — в основном в Мюнхене — с краткими перерывами 22 года своей жизни. Это были наиболее плодотворные годы для творчества, если вообще можно говорить о плодотворности поэта, поэтическое наследие которого — Тютчев ушел из жизни в возрасте 70 лет — представлено менее чем 300 малыми стихотворениями. Его духовные связи за годы странствий оставили, конечно, только малый след в русской мемуарной литературе и в переписке современников Тютчева. В немецких публикациях того времени мы также едва ли найдем материалы, которые имели бы какое-то значение для оценки заграничного периода жизни Тютчева.

Поэтому духовное развитие поэта остается для нас загадкой. Его поэзия предстает перед нами как самостоятельное, независимое от какого-либо внешнего влияния произведение (*Gebilde*), и только исходя из нее самой, мы можем прийти к каким-либо выводам относительно духовных интересов Тютчева в мюнхенский период его жизни, о его связях с немецкой литературой и немецкой духовной атмосферой (*geistige Strömungen*) того времени.

Мы имеем ряд сведений о связях Тютчева с немецкими мыслителями и поэтами того времени, и эти сведения основаны преимущественно на некоторых утверждениях его первого биографа — И. Аксакова*. И другие предположения тоже в большинстве случаев не основаны на убедительных фактах. Но эти утверждения и предположения повторяются практически во всех работах о Тютчеве; кроме тех случаев, когда разочарованный исследователь, за неимением достоверных фактов, взывает к невероятной теории о том, что Тютчев будто бы вообще не имел никакого духовного общения в Мюнхене, не читал немецких авторов и ни с кем не делился своими мыслями**.

Если кратко обобщить факты об отношениях Тютчева к Германии (*geistiges Deutschland*) его времени, то нам известно следующее: еще в России Тютчев поддерживал контакты с группой молодых людей, интересовавшихся немецкой философией и немецкой романтической поэзией, которые позже (уже без Тютчева) во главе с молодым князем В. Одоевским основали

* Аксаков И. С. Ф. И. Тютчев. Биографический очерк, 1874.

** См.: Райнов Т. Духовный путь Тютчева (1923). С. 23. В. Брюсов (Новый путь, 1903) выяснил, что связь Тютчева с Россией была намного живее, чем считалось раньше.

«Общество любомудрия» *. В Мюнхене Тютчев общался с Шеллингом, который в одном из своих разговоров с И. Киреевским в 1820 году даже упомянул Тютчева с глубоким уважением **. В Германии Тютчев также познакомился с Гейне, и они обменялись несколькими письмами ***. Тютчев, вероятно, навещал Гёте в Веймаре ****. Но обо всех этих связях и отношениях нам не известно ничего конкретного и определенного.

Здесь следует также упомянуть, что обе жены Тютчева были немками по происхождению и что своим первым браком он породнился с немецким поэтом Фридрихом Францем фон Мальтицем, с которым Тютчев был очень близок. Однако всю свою жизнь Тютчев разговаривал и думал не на немецком языке или на русском, а на языке дипломатии — французском. И славянофил Тютчев не понимал и не симпатизировал политике немецких государств (как и европейской политике вообще), о чем достаточно убедительно свидетельствуют его письма ко второй жене. Несмотря на это, он предпочитал оставаться в Германии, снова и снова был гоним из России, как он выражался, «Herausweh» (тоской и желанием находиться вне [России]. — Р. М., И. Д.). Сложно определить, в чем же заключалась эта «Herausweh»; но Тютчев, вне всякого сомнения, нашел что-то родное в немецкой культуре, так как обстановка, с которой он очень свыкся, постоянно привлекала его *****.

* В. Брюсов (Русский Архив, 1903. Кн. III. С. 484); о беседах Тютчева с Погодиным о немецкой литературе в 1820 году см.: Там же. С. 485.

** Там же (С. 429) со ссылкой на письма Киреевского и некролог фон Пфеффеля.

*** Об этом пишет Чулков, см.: Тютчев и Гейне // Искусство. М., 1922. № 1.

**** В связи с этим Варнгаген фон Энзе упоминает Тютчева в своих дневниках. Ср.: Тютчевиана / Под ред. Г. Чулкова. М., 1923. С. 9.

***** В 1846 году Тютчев написал о своих родных местах:

Итак, опять увиделся я с вами,
места печальные, хоть и родные... (109)
Ах нет! Не здесь, не этот край безлюдный
был для души моей родимым краем,
не здесь расцвел, не здесь был величаем
великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
то, чем я жил и чем я дорожил.

Ср. также с. 108—109 (12.XI.1844). В скобках я всюду указываю страницы русскоязычного издания (Берлин, 1923).

Тютчев — большой мастер выразительности (Meister des Ausdrucks). Его стихотворения всегда кратки, афористичны, содержат определенные точные формулы, изящные обороты, *bon mots* (ведь он был также автором многих известных салонных *bon mots*). Но в каждом афоризме, в каждом *bon mot*, в каждом парадоксе кристаллизована и конденсирована большая работа его мысли. Часто в нескольких строках или даже в нескольких словах сжата целая идейная система.

Мастерство выразительности представляет собой самостоятельную отрасль мастерства слова. Тютчев глубоко чувствовал ценность выразительности саму по себе. Поэтому он иногда повторяет одну и ту же мысль во многих стихотворениях, но никогда не делает этого без изменений, а всегда формулирует эту мысль более утонченно, более красиво и разнообразно; при этом поэт подчеркнуто выдвигает на первый план второстепенные оттенки образа. Как мастер миниатюры Тютчев очень высоко ценит удачное слово, продуманный образ. Поэтому он не боится заимствовать мысль (или побуждение к мысли) у другого поэта или из своих собственных стихотворений, ведь он знает, что его мастерство выразительности придаст идее совсем иную жизнь, что мысль в новом выражении станет новой мыслью, что уже новый язык создаст новую художественную ценность. И Тютчев, собственно говоря, прав. Вряд ли может идти речь о «влияниях» на его творчество, хотя мы вскоре увидим, что идейное богатство поэта не всегда принадлежит только ему самому. Он не заимствует в свою сокровищницу выразительности, в свой запас образов ничего, что не соответствовало бы его собственным мыслям, его мироощущению, что могло бы исказить его тонкую работу. Но подходящее слово или образ он употребляет в нужном месте, перечеканивает его, придает ему новый смысл и более глубокое значение по сравнению с предыдущим.

Исследователи уже указывали на одно заимствование у Тютчева из стихотворения Гёте. В стихотворении Гёте «*Es schlug mein Herz geschwind zu Pferde*» есть такие строки:

Wo Finsternis aus dem Gestraeuche
Mit hundert schwarzen Augen sah

(«Где мрак из кустов глядел сотней темных глаз». — Р. М., И. Д.).

Тютчев изменяет удачное сравнение:

Ночь хмурая, как зверь стокий,
глядит из каждого куста (74).

Лишь два существенно новых слова, но, несмотря на это, образ вплетен в систему мировосприятия Тютчева: ночь мрачная и животная, это чуждая и враждебная человеку внешняя сила, или более того — сила, которую человек воспринимает как чужую и враждебную.

Образ из «Духовидца» Шиллера Тютчев использует для своего стихотворения «Фонтан». Шиллер сравнивает стремление человека к бессмертию с «лучом воды», бьющим вверх: «Разве луч воды не поднимается вверх каскадом с силой, которая могла бы пронести его через бесконечное пространство? Но уже с первого момента на него воздействует сила притяжения, на него давят тысячи воздушных колонн, которые рано или поздно возвратят его высокой или низкой дугой назад, на родную землю. Чтобы упасть так поздно, он должен был подняться с этой буйной силой — стремление к бессмертию и было той упругой силой, с помощью которой человечество должно было своим появлением освободиться от гнетущей необходимости» *.

Тютчев развивает эту идею в одном из своих стихотворений. Как внешнее свидетельство заимствования идеи в стихотворении Тютчева осталось слово «луч» (Wasserstrahl, Strahl), которое в этом значении в русском языке почти не встречается.

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится,
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.
О, смертной мысли водомет,
О, водомет неистоцимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятёт?
Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты (94).

Здесь ослаблен натуралистический акцент шиллеровского образа (борьба между двумя силами — силой инерции, с одной,

* «Geisterseher», издание первое. Ср.: Сочинения Шиллера (издание Meyer's Klassiker). Т. VI. С. 547.

и силой гравитации — с другой стороны) и необходимость ниспадения представлена как высшее свершение. Кроме того, стремление к бессмертию заменено умиранием всего человеческого — и благодаря этому смысл образа обобщен и расширен*.

Позже мы увидим, что там, где можно было бы предположить какое-либо влияние на Тютчева, речь всегда идет только о своеобразном исходном пункте, от которого Тютчев развивает свои мысли в образах.

3

Но нас не очень интересуют «влияния» на Тютчева**. И мы не хотим приводить здесь произвольные конструкции. Если мы непредвзято посмотрим на поэзию Тютчева, то сразу заметим некоторое сходство ее с поэзией немецкого романтизма, а также и с немецкой романтической философией. Мы уже упоминали о сходстве идей Тютчева с философией Шеллинга*** и сходстве его поэтического языка с языком Эйхендорфа****. Но только упоминали, так как нет никаких доказательств этого сходства*****.

Продемонстрируем это родство на отдельных примерах и вспомним в первую очередь идеи Тютчева в общих чертах, не останавливаясь на деталях, чтобы установить их сходство с некоторыми романтическими концептами немецких поэтов. При этом мы не хотим, чтобы видимость констатации сходства вела нас в заблуждение, что мы обнаружили «влияния» и «заимствования». Внутреннее сходство имеет не меньшее значение для истории литературы и гуманитарной мысли, чем (часто предполагаемые) «хищение» и «использование» всех древних поэтов младшими поколениями, или более талантливых менее

---

* Тютчев перевел также 14 стихотворений (и фрагментов из «Фауста») Гёте и 5 — из Шиллера (в целом ему принадлежат 43 перевода).

** Понятие *литературное «влияние»* очень туманно с точки зрения науки, и сфера его употребления достаточно неопределенная.

*** См. статью А. Горнфельда «На пороге двойного бытия» («Auf der Schwelle der doppelten Welten»). Внутреннему сходству эстетических и натурфилософских взглядов Тютчева с трансцендентальным идеализмом Шеллинга посвящена другая моя статья.

**** В. Брюсов (Русский архив, 1900. Кн. I. С. 410).

***** Брюсов (Там же) отметил только, что в стихотворениях Тютчева «чувствуется» сходство с лирикой Эйхендорфа.

одаренными. Ведь лишь внутреннее сходство делает возможными все «влияния» и «заимствования». И в нашем случае важно только установить, что духовной атмосферой Тютчева была атмосфера романтизма.

Сходство Тютчева с немецким романтизмом «чувствуется» непосредственно. Первое, что привлечет наше внимание, его «философия ночи», которая составляет содержание значительной части творчества Тютчева*. Поиски в этом направлении действительно помогут нам установить конкретное сходство**.

Из двух лейтмотивов, которые звучат в «ночной философии» немецкого романтизма, у Тютчева присутствует только один, но он развит очень глубоко и с большим размахом.

Во-первых, именно ночь выступает у романтиков фоном для свободной игры духовной деятельности, прежде всего фантазии, фоном, которого не может дать ясный солнечный, так сказать «картезианский», день. Во-вторых, ночь открывает нам онтологические глубины, которые обычно нам недоступны, в ней воскресают силы природы и души, дремлющие при свете дня***. Мировоззрение Тютчева целиком направлено на *онто-*

* Из 275 стихотворений Тютчева 57 или каким-то образом связаны с ночью, или же ночной пейзаж выступает в них предметом изображения, фоном (97 политических стихотворения или стихотворения, написанные по какому-либо специальному поводу).

** Тютчев не мог влиять на немецких писателей, так как его стихотворения на немецком языке появились впервые в 1861 г. (в Мюнхене, в переводе Г. Ноэ). Можно было бы предположить, что Тютчев имел влияние на Г. Г. Шуберта; но нам неизвестно, были ли они вообще знакомы (хотя Шуберт пребывал в Мюнхене в то же время, что и Тютчев). Мы считаем, что можем принимать во внимание также писателей и отдельные произведения, принадлежащие к более позднему периоду времени, чем поэзия Тютчева.

*** Проблематике «философии ночи» посвящена моя работа о философии романтизма (об этом исследовании я делал отчет в 1927 году в Украинском Историко-филологическом обществе в Праге и в Русском Философском обществе). В немецкой литературе исследование этой темы ограничивается лишь короткими заметками в больших работах, посвященных немецкому романтизму (напр., *Strich Fritz. Deutsche Klassik und Romantik*. М., 1922. С. 22, 84; *Petersen J. Die Wesensbestimmung der deutschen Romantik*. Leipzig, 1926. S. 37 и сл.). Грейфсвальдская диссертация Ильзы Клетт: «Ночь в поэзии романтизма» (1924) — очень полезное, но в плане философского романтизма очень неполное собрание материалов, упорядоченное по принципу случайности. Эта диссертация попала мне в руки во время работы, и я обязан ей пополнением моего запаса цитат (в первую очередь из сочинений Brentano).

логическое, оно и в искусстве ищет не иллюзий, а истинное бытие, первопричину природы и жизни. Поэтому у Тютчева на передний план выступает только второй из упомянутых мотивов — ночь открывает нам доступ к вечной сути бытия Вселенной*.

* * *

Романтики избегают дня, и ночь — объект их тоски (Sehnsucht): «О, ночь, ночь, вернись! Я не вынесу больше всего этого света и любви»**. «Неужели снова настанет утро? Неужели власть земного никогда не кончится? Пагубная суетливость попирает божественный приход ночи»***.

Jetzt ist es licht und klar,
Sonne nicht steigen mag,
Wünschet den ganzen Tag,
Ich muss im Dunklen sein.
Sieht so verschlafen drein,
Dass wieder Nacht möcht' sein^{23*}.

(«Теперь светло и ясно,
Солнце не хочет взойти, хочет,
чтобы весь день я был в темноте.
Сонно смотрит вокруг,
что снова наступит ночь». — Р. М., И. Д.)

Тютчеву также «ненавистен» день.

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, клики
Младого, пламенного дня.
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!
Ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса! (57)

У Тютчева, как и у Эйхендорфа, ночной пейзаж выступает частым предметом изображения. Но рядом с изображением

* Первый мотив встречается в русской литературе главным образом у князя В. Одоевского, Н. Гоголя, графа А. Толстого (в рассказе «Вампир»).

** «Ночные бдения» (Nachtwachen) Бонавентуры (Лейпциг, 1919. С. 99—100).

*** Сочинения Новалиса (Minor), I, 12—13.

**** Эйхендорф. Стихотворения (Reklam). С. 198.

пейзажа мы всегда наблюдаем у Тютчева попытку выразить свою «философию ночи». Ночь для него вместе с тем *откровение* — ночь открывает то, что скрывает день, ночь приподнимает занавес лика природы, который прикрывает от нас все тайны:

На мир таинственный духов,
над этой бездной безымянной
покров наброшен златотканый
высокой волею богов.
День — сей блистательный покров...
Святая ночь на небосклон взошла,
и день отрадный, день любезный.
как золотой ковер, она свила, —
ковер, накинутый над бездной.
И нет извне опоры, ни предела (119—120).

Но меркнет день, настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвав, отбрасывает прочь... (102)

Уж звезды светлыя взошли
и тяготеющий над нами
небесный свод приподняли
своими влажными главами (66).

После того, как упал занавес, мы непосредственно видим тайну мироздания — «царство духов» (das Geisterreich), «бездну», «хаос» —

Живая колесница мироздания
открыто катится в святилище небес (67).

Мы понимаем поэтому, почему Тютчев называет темную (тревожную) ночь — сияющей (134)*. Немецкой романтической поэзии не чужд этот и вправду особенный образ дня, как что-то прикрывающего от нас занавеса. Так, например, у Тика читаем: «занавес» прикрывает от нас сущность явлений**, наш глаз не проникает за занавес, за которым скрыта сущность всех вещей***, «видимое» сравнивается с «ковром»****, открытие

* Ср. также С. 161, 88, где ночь названа «триумфальной». (Иногда Тютчев выражается о ночи в обратном смысле: «на мир ночной спустилась завеса» (73) — «завеса спустилась на мир дня»). См. также многие другие места.

** История господина Вильяма Ловеля. I, 199.

*** Там же. С. 86.

**** Там же. II. С. 313.

правды — со свертыванием этого ковра — «Я припоминаю из своего детства, что далекая природа с ее горами вдали, с высоким, сводчатым, голубым небом, с тысячей одушевленных предметов, может охватить нас как бы сильным ужасом. Тогда дух природы прикасается к нашему внутреннему духу и волнует его необычайными чувствами. Покачивающиеся деревья говорят нам что-то звуками, которые мы понимаем, и такое ощущение, как будто бы вся эта картина сейчас свернется и перед нами предстанет, и нам приоткроется незамаскированная сущность вещей, которая прячется под маской и одушевляет ее» (Там же. II. С. 259—250). Именно день прячет от нас суть вещей,

Der neidsche Tag wirft seinen Mantel über,
Verhüllt... das glorreiche Licht*.

(«Завистный день покрывает своим плащом...
прославленный свет». — Р. М., И. Д.)

Философы романтизма также характеризуют ночь как откровение извечного: ночь — провозвестница святых миров, она открывает в нас «бесконечные глаза», она стала могущественным лоном откровений **. «День освещает творения настоящего и огражденный от края равнины промежуток пространства, на котором по эту сторону стоят еще новые, а по другую — уже развалившиеся избы отцов — избы часто нарушаемого, переменчивого, как сон, мира. Но под каймой вечерних сумерек сверкает мир, не огражденный ни горами, ни быстро преходящей землей на равнине, с его мирными избами, которые еще более древние, чем жилища отцов, непреходящие и вечные, и в которых мое ухо впервые, предчувствуя невидимое, услышало слово «вечный» ***.

4

Язык ночного откровения — это в первую очередь звездное небо. «Когда тело объято ночью, душой управляют и играют огни и силы высшего, далекого звездного неба» ****. Целая

* *Tieck L. Ausgewaehlte Werke. II, 120.*

** *Novalis. I, 10—11, 36—37.*

*** *Schubert. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Ausg. 3. 1827 (первое — 1808). S. 3; cp. С. 77.*

**** *Schubert. Geschichte der Seele. Tueb. u. Stut. 3. Ausg., 1850. Bd. I, 99.*

книга говорит «о ночной стороне» природы*, и посвящена она именно тайнам звездного мира. «Спокойный мир созвездий, настоящая, возвышенная ночная сторона природы — предсказывающая свидетельница бытия, которое было до времени и будет после времени»**. Ночью мы переходим из повседневного мира в храм — «великий небесный храм»***, над куполом которого парят миры, как причудливые иероглифы****. «Святые лики звезд сияют одиноко в вышине»*****.

Так и для Тютчева: звездное небо — «возвышенная сторона природы», глубина, «бездна», «безымянная щель бездны» —

Небесный свод, горящий славой звездной,
таинственно глядит из глубины,
и мы плывем, пылающею бездной
со всех сторон окружены (76).

«Звездные круги» (130) указывают на давно минувшее, на рождение мира —

Таинственно, как в первый день творенья,
В бездонном небе звездный сонм горит (81)^{6*}.

Откровение ночи символизирует и голос, — голос, который слышен из «инога мира». Говорят, ночью на Цейлоне слышны таинственные звуки — слыша их, человек содрогается: это го-

* *Schubert*. Op. cit.; *Ritter J. W.* Fragmente aus dem Nachlass einer jungen Physikers. Heidelberg, 1810. См. также сочинения Ю. Кернера и Ф. Гербера; также: *Schubert*. Urwelt und die Fixsterne, 1822; *Ritter J. W.* Siderismus. Tüb., 1808. Астрологическая мысль, возрожденная романтизмом в некоторой мере (см.: *Boll F.* Stern Glaube und Sterndeutung), не играет у Тютчева никакой роли.

** *Schubert*. Nachtseite. S. 3 (непосредственное продолжение приведенной выше цитаты). С последними словами ср. «Годви» Брентано (*Werke*. Leipzig; Wien, 1914) V, 96. Корделия «назвала ночь раскрытым будущим и доисторическим временем». Будущее и доисторическое время для Шиллера (*Geisterseher*) «два черных, непрозрачных покроя, которые свисают по обе стороны человеческой жизни».

*** «Ein Dom» von Eichendorff (*Gedichte*. S. 72).

**** *Bonaventura*. S. 78. О слове «иероглифы» см.: *Schubert*. Nachtseite. S. 52. Ср.: «Symbolik des Traumes» (Там же). Похоже и у Жан Поля: *Hesperus* (*Werke*. Berlin, 1860—1861). С. 44). Звездное небо — «языковая решетка духовного мира».

***** *Eichendorff*. *Gedichte*. S. 247.

^{6*} Ср. еще 130, 162 также французское стихотворение Тютчева — с. 250.

лос из потустороннего мира, из мира ночи, это сладкие и одновременно жуткие звуки *. И повсюду на Земле, «после миновавшего шума дня, среди задумчивой ночи слышны звуки из потустороннего мира — из вечных жилищ» **. У Тика человек слышит ночью «внезапно — пугающе глухое повизгивание в земле, жалобно удаляющееся вглубь и печально затихающее лишь вдали. Эти звуки пронзили его сердце, они охватили его так, как будто он внезапно прикоснулся к ране, которая была смертельной для умирающего тела природы» ***. У Гофмана ночной ветер приносит угрюмый голос, этот крик издали — «в глухом бушевании бури, ворвавшейся сквозь разбитые окна на хоры, я будто бы слышал жалобные, плачущие голоса, как будто моя мать звала меня издалека» ****. «Голоса пронзают ночь», «Над озером несясь звон», «несясь божественный звон» *****.

Тютчев также слышит ночью волнующие и мучительные звуки:

— в сумраке глубоком
воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь ненароком
дремавших струн встревожит сон.
То потрясающие звуки,
то замирающие вдруг,
как бы последний ропот муки
в них отозвавшись, потух (47).

Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул (54).

Над спящим градом, как в вершинах леса,
проснулся чудный, еженощный гул (82).

Ночью к нам обращаются «звучные волны» «стихии»,

«Звучные волны» «стихии» (75).

Глас ее: он нудит нас и просит (76)^{6*}.

Среди воя ночной бури слышен тот же голос —

* *Schubert*. Op. cit. S. 89—90.

** Там же. С. 3.

*** *Ausg. Werke*. IV. 216.

**** *Hoffmann E. T. A. Werke*. Leipzig, 1912. II. 41 («Elexiere des Teufels»). У И. Клеттэ приведено еще много похожих мест из Гофмана.

***** *Von Eichendorff. Gedichte*. S. 61, 139, 322.

^{6*} Ср.: С. 97, 160.

О чем ты воешь, ветер ночной,
 О чем так сетуешь безумно,
 Что значит странный голос твой
 То глухо-жалобный, то шумный?
 Понятным сердцу языком
 Твердишь о непонятной муке,
 И воешь, и взрываешь в нем
 Порой неистовые звуки (88).

О, страшных песен сих не пой!..

Ночное приближение настоящего бытия к нашему сердцу романтики сравнивают с шумом моря или с приливами и отливами. Потому что в жизни людей от дня к ночи меняются состояния связи с природой и разрыва с ней. Ночь — это, собственно говоря, вселенское море. «Вся эта святая ночь охватывает нас, как тихо всколыхнувшееся море» *, как «призрачное море», «ночь — это спокойное море» **. Ночью мрак объединяет все в необозримый хаос. Тогда мы целиком тонем в диком огромном море, где волны накатываются одна на другую и все смешивается аморфно, без каких-либо правил. Нигде нельзя удержаться, мы начинаем быть незаметными и поглощенными *** «волнами ночи» ****. Этот «поток бесконечных воспоминаний» ***** влияет преимущественно на бессознательную сторону души. Ее ночное бытие — это сон^{6*}. «Сон — это не что иное, как прилив невидимого мирового моря, а пробуждение — это наступление отлива». «Но все же тихо, на дне сердца остается нежное бие-ние волн».

O Herr, auf dunkelschwankem Meere (= Meere der Nacht)
 Fahr' ich im schwachen Boot,
 Treu folgend deinem goldnen Heere (den Sternen)
 Zum ew'gen Morgenrot^{7*}.

(«О Господи, по темно колеблющемуся морю (ночи)
 плыву я в непрочной ладье,

* *Brentano. Werke. III. С. 245.*

** *Von Eichendorff. Gedichte. S. 136, 211.*

*** *Тук Л. История господина Вильяма Ловеля. III. С. 285.*

**** «Волны» ночи — очень часто у Й. фон Эйхендорфа; ср.: *Gedichte. С. 76.*

***** *Carus. Psyche. Pforzheim, 1846. S. 392.*

^{6*} *Ibid.*

^{7*} *Novalis. IV. S. 37; von Eichendorff. Gedichte. С. 211, 274; Brentano. V, S. 280; Schubert. Symbolik des Traumes. Leipzig, 1840. 1. Ausg., 1813. У Тютчева еще 139, 67 («Летний вечер»).*

верно следуя золотому множеству твоих звезд
к вечной утренней заре». — Р. М., И. Д.)

Так и у Тютчева. —

Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой (75).

Этот «берег стихии» — это наша душа — Ночь; «прилив», он принимает нас в себя.

Уж в пристани волшебный ожил челн.
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн (76).

Эти волны — это сон, сновидение —

Как океан объемлет шар земной,
Так наша жизнь кругом объята снами (75).

Сны играют на просторе
Под магической луной (117)*.

— Густеет ночь, как хаос на водах,
Беспмятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах (67)**.

5

Но что же открывается нам в ночи? О чем разговаривают «ночные голоса»? О чем говорит нам азбука звезд? Что принимают нашей душе волны «мирового моря», омывающее ее ночью?

В первую очередь следует назвать природу, космос, жизнь. Новалис говорил «о жизни, полной, как бесконечное море»***, у Шуберта человек окружен «морем природы»****; для Тютчева жизнь природы также есть «безбрежный океан»*****, доступ к которому открыт нам ночью.

* С этим еще можно сравнить первые страницы из «Психе (Psyche)» Каруса, где сфера бессознательного бесконечно расширяется по сравнению с сознательной жизнью души.

** Ср. также «Сон на море».

*** *Novalis*. I. S. 50.

**** *Schubert*. *Urwelt und die Fixsterne*, 1822. С. 13, «взволнованное бурей море природы».

***** «Жизнь, как океан безбрежный», «животворный океан» (102).

Но вселенная, природа — это не только космос, но и хаос. В местах, которые мы цитировали, уже часто звучали слова, употребленные Тютчевым для обозначения сущности вещей, неизмеримых глубин истинного бытия: хаос, стихия, бездна. Море природы не только «тихо всколыхнувшееся», но и «бурное», «хаотичное» —

Густеет ночь, как хаос на водах.
...звучными волнами (67).

стихия бьет о берег свой (75)

...пылающая бездна (76)

И бездна нам обнажена
с своими страхами и мглами
и нет преград меж ней и нами (103)*.

Ночной ветер поет нам о старом, родимом хаосе (88), как выражается Тютчев. Он древний, «родной» или «материнский» — в двойном смысле. Хаос изначален, как «ночь» присутствует он в нашей душе.

Поэтому нам и понятен хаос — он обращается к нам языком, внятным сердцу (88), и ночная душа жадно внимает хорошо знакомым словам (88). Стихотворение «Святая ночь» (119—120), цитата из которого приведена выше, поэтому и называется (в рукописи) «Самосознание». Человек, конечно, может любить день («день отрадный, день любезный» 119); но ночь для него «свята» («святая ночь», там же) и пробуждает с непреодолимой силой хаотичную стихию в душе. В хаосе душа познает сама себя —

...в чуждом, неразгаданном, ночном
он узнает наследье роковое (120).

Потому-то Тютчев и взывает к голосу хаоса и ночи —

О, бурь заснувших не буди:
под ними хаос шевелится (88).

В ночном хаосе отражаются наши мысли, наша душа —

Откуда он, сей гул непостижимый?
Иль смутных дум, освобожденных сном,

* Природа — бездна — и еще:

Поочередно всех своих детей,
свершающих свой подвиг бесполезный,
она (природа. — Д. Ч.) равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной (229).

Мир бестелесный, слышный, но незримый
Теперь роится в хаосе ночном (82),

— поскольку бездна души открыта и предоставлена ночью мировому хаосу:

...пред этой бездной темной
на самого себя покинут он,
упразднен ум, и мысль осиротела,
в душе своей, как в бездне погружен.
И нет извне опоры, ни предела... (120)

Вот отчего нам ночь страшна (103).

В психологии немецкого романтизма «ночь души» — также одна из центральных мыслей. «Ночь души» знакома Новалису*. Для Эйхендорфа ночной страх — это:

Ein Schaudern vor dir selbst, denn in dir ist
Die Einsamkeit, das Graun, der naechtlliche Abgrund**.

(«Содроганье пред тобой, ибо в тебе самом
одинокство, ужас, ночная бездна». — Р. М., И. Д.)

Тик психологически объясняет воздействие ночи на душу. «Мрак преображает и смешивает очертания всех видимых предметов и переносит нас в чужой, до этого непонятный мир. Тогда в нашей душе пробуждается предчувствие, что все наше знание, все наше счастье — лишь только пустой, глухой хаос». «Я не хочу погрузиться в ужасающую ночь, из которой подымаются волны (die Schauer), и так сильно охватывают слабое человеческое сердце, что почти разбивают его»***.

Шуберт говорит об «области сумерек в душе» (Region der Dunkelheit in der Seele), где «грубая аморфная стихия» поднимается против «мира мысли»****. Ночью все тайные мысли встают из глубины души, где они скрывались от дневного света*****, из «ночи бессознательной жизни», из «мира снов»^{6*}, так как «сумерки ночи предназначены для того, чтобы давать бессознательному определенную власть над осознанным»^{7*}.

* Напр.: *Novalis*. I. S. 7.

** *Von Eichendorff*. Werke. IV. S. 396.

*** *Tieck L.* Werke. XIV. S. 135.

**** *Schubert*. Geschichte der Seele. II. S. 239.

***** *Schubert*. Symbolik des Traumes. S. 7—21.

^{6*} *Carus*. «Psyche». S. 214—215.

^{7*} Там же. С. 395; очень тонко также в: *Ritter J. W.* Fragmenten (Там же).

Эйхендорф находит для этого прекрасное поэтическое выражение:

Wenn die Wipfel über mir schwanken,
Es klingt die ganze Nacht,
Das sind im Herzen die Gedanken,
Die singen, wenn niemand wacht*.

(«Когда вершины надо мной колеблются,
звучит вся ночь —
это мысли в сердце,
которые поют, когда все спят». — Р. М., И. Д.)

Ночь для романтиков «древняя», «родная», «материнская» и в более глубоком смысле. Ночной хаос близок доисторическому хаосу, с которого когда-то возник Космос. В этом смысле ночь называют «матерью» и романтики особенно подчеркивают античную мудрость, которая причисляла ночь к древнейшим богам**. «Древняя мудрость справедливо называет ночь всепорождающей матерью вещей»***. О «древней ночи — матери всех вещей» говорит Шеллинг****. На титульном листе одной

* *Von Eichendorff*. Schloss Durande (Insel — Buecherei). S. 76; ср. стихотворения. С. 272; «Nachtgruss» («Ночное приветствие»). — Ср. уже у Жан-Поля (Там же). С. 42: «Мысли, которые день превращает в темный дым и туман, предстают пред нами ночью, как пламя и огни». Наверное, Тютчев имеет в виду то же самое, когда он говорит в известном стихотворении «Silentium!»:

Есть целый мир в душе твоей,
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи.
Внимай их пенью и молчи,
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне,
Как звезды светлые в ночи (90: ср. 51).

** «Оптическая космогония», Гераклит (напр., у Секста Эмпирика: VII, 129—130), Парменид (фрагм. 1, Дильс), Платон (Тимей. 39 В, 45). Упоминания у Аристотеля (Метафизика XII 6, 1022 г. XIV 4, 1091). Ср. также статью «Ночь» Рошера. В этой связи следует также упомянуть и Бёме. К «ночной философии» романтизма близок и Гердер (ср. И. Клеттэ, с. 65). Думаю, что Гаманна несправедливо называют предшественником «ночной философии». Эту тему широко развивает и романтическая философия мифологии — кроме Шеллинга, прежде всего Каннэ и Кройцер.

*** *Schubert*. Geschichte der Seele. II, 236.

**** *Schelling*, Werke. I. Abteilung. Bd. IV, S. 278 («Bruno», 1802). Ср.: «Über das Wesen der menschlichen Freiheit». Bd. VII; «Die Gottheiten der Samothrake». T. VIII.

романтической книги есть виньетка — «Ночь как родительница» *. Так же восторженно пишет Геррес о «древней ночи, матери всего творения» — «полнота вещей держит ее заключенной в себе; вечно отдыхая, вечно размышляя в глубокой важности, вечно ожидая в безмолвной тишине, разостлала она свои звездные покрывала над бесконечностью; они развеваются и играют, легко волнуемые небесными приливами, под ними тихим сном спят силы, на руках у ночи покоится история, в ней, как вращение солнечной пылинки в тени и свете, заключены жизнь и смерть. Так охотно желает день спросить у ночи — матери, которая была до него, — о ее тайнах» **. Ночь возвращает нас в определенном смысле назад, в доисторические времена. У Новалиса мы переносимся «в те сказочные древние времена», «когда еще каждый росток дремал в себе и напрасно одиноко и девственно стремился развернуть темную полноту своего неизмеримого бытия» ***. «Разве каждый, даже самый причудливый сон — это не особенное явление, которое, не думая о божественном роке, оказывается важным просветом в таинственном занавесе, спадающем в наш внутренний мир тысячами сборок!**** Эйхендорфа охватывает ночью «несказанная тоска по родине более далекой и глубокой, чем его родные сады и горы, кажущиеся лишь только ее земным отражением». «Чудесная ночь тихо спускается с гор, пробуждая древние песни» *****. Во сне душа ближе к «потустороннему миру, от которого она произошла» 6*. Сон — это возвращение души в материнское лоно «вселенной» (des Weltganzen) 7*.

Den Leib, sagt man, verlässt der Geist im Schlaf
Und steigt geheim zur unbekanntn Tiefe,
Wo Zukunft und Vergangenheit Eins sind,
Im stillen Schoss der Ewigkeit 8*.

(«Тело, говорят, дух во сне покидает
и опускается украдкой в неизвестные глубины,

* Kluge K. A. F. Versuche einer Darstellung des animalischen Magnetismus. Wien, 1815. Bd. I.

** Rheinischer Merkur — Der Sternenhimmel in der Neujahrsnacht, 1815—1816. Ausgew. Werke (A. Duch). S. 284—285.

*** Novalis. IV, 128.

**** Там же. С. 58.

***** Von Eichendorff II. S. 49; Gedichte. S. 225.

6* Schubert. Geschichte der Seele. I. S. 351.

7* Там же. I 350. II, 237.

8* Von Eichendorff. IV. S. 242.

где объединены будущее и прошлое
на тихом лоне вечности». — Р. М., И. Д.)

Поэтому так часто мы возвращаемся во сне в наше детство *. Отсюда и наши помышления о матери. Поскольку ночь «родительница» не только онтологически, но и психологически (как бессознательное), то она — творческое начало и первопричина. Эйхендорф находит очень удачный символ для этой мысли (хотя, наверно, психологически неубедительный): «Моя мать приветливо склонилась надо мной своим красивым бледным лицом с большими глазами, так, что меня целиком окружили ее локоны, сквозь которые я видел, как блистают звезды и тихий снег за маленьким окошком. С того времени, когда я вижу ясную звездную ночь, я чувствую себя, как новорожденный» **.

Для Тютчева возвращение «в родной дом» — это не только ночные переживания, но собственно говоря — сновидение, сон, приближение нашего бытия к истокам всех вещей. Сны, сновидения (то есть «бессознательное» — которое имеет у Тютчева то же значение, что и «сны») занимают центральное место в психической жизни человека:

Как океан объемлет шар земной,
Так наша жизнь кругом объята снами (75).

Сфера сна ценностно выше, чем бодрствование, чем «жизнь»:

Все лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко (159).

Сон — это «пророчество» —

Сон, пророчески неясный,
Как откровение духов (152) ***.

Это «откровение» и есть погружение в «родимый», «уютный» хаос, в хаос доисторических времен.

* Ср.: *Novalis*. I. S. 7.

** *Von Eichendorff*. *Gluecksritter* (Insel — Buecherei). С. 10; ср.: Стихотворения. С. 272 («Abend»); ср. уже у Новалиса нечто похожее: I. С. 9.

*** «Сны» у Эйхендорфа: Стихотворения. С. 33 («Сумерки» (Zwielicht), 58 («Вечер» — здесь дремлет не человек, а природа, «земля»), 60 («Чудная чужбина»), 67 («Воспоминание»), 109 («Тоска по дому»), 136 («Приветствие духов»), 188 («Охотничье песни», № 2), 189 («Весенние сумерки»), 211 («Ночь»).

Жизнь души связана с двумя разными сферами бытия, и есть в определенном смысле двойной жизнью. Мир разума, мысли, дневного света ведет борьбу за душу с миром тьмы, ночи, душевного хаоса. Тютчев полностью осознает это:

О, вечная душа моя,
 О, сердце, полное тревоги,
 О, как ты бьешься на пороге
 Как бы двойного бытия!..
 Так, ты жилище двух миров... (152)

Душа похожа на гору, чья вершина возвышается над облаками, а подножье прячется в вечной тени *. Сходные мысли мы встречаем и у немецких романтиков: «Наша жизнь — это легкий мост от одной темной страны к другой, расположенной по другую сторону» **. «Человеческой душе открыт доступ» «к двойным мирам» ***, «два разных входа»: «Свет и тьма, день и ночь» ****. В человеке «два мира» «сражаются» между собой *****. Человек — это «горная цепь на рубеже двух миров; ее подножие находится в одном мире, а вершина поднимается в другой» 6*.

Ночь имеет особенное свойство, которое в глубине затрагивает двойную сущность человека. А именно: ночь всеобъединяющая, всепримиряющая, всеохватывающая. Целый мир погружается в ночную тьму, как и человеческое Я — «эстетически» (в изначальном смысле этого слова — то есть чувственно: мы не видим ничего, кроме созвездий, мы не можем точно локализовать услышанное). «И тут мир канул», «далеко исчез мир» 7* — «весь облик тихо расплывается — человек и все единичное сливается в единое целое, ничто не выделяется на фоне, и все съединяется в одном тихом чувстве вечной тождественности» 8*. Тьма «размывает и путает очертания всех видимых предметов» 9*.

* Тютчев. С. 69 и далее; С. 168 и далее. С. 152.

** Wackenroder. Werke. I. S. 107.

*** Schubert. Nachtseite. S. 7; ср. С. 52.

**** Там же. Ср. «День и ночь» Тютчева (102).

***** Там же. 8, 10.

6* Schubert. Geschichte der Seele. I. S. 99.

7* Von Eichendorff. Gedichte. S. 274, 135.

8* Brentano. W. W. V. S. 133.

9* Tieck. XIV. S. 135.

«Heilige Nacht, heilige Nacht!
Sternengeschlossener Himmelsfrieden!
Alles, was die Welt geschieden,
ist verbunden» *.

(«Святая ночь, святая ночь!
Мир небес, замкнутый звездами,
все, что мир разделяет,
связано». — *Р. М., И. Д.*)

Но эта эстетическая гибель мира — точнее говоря, гибель всего единичного (alles Einzelnen) в бытии, это соединение и эта тождественность всех вещей — есть символ и выражение внутренней связи, «мира», принесенного ночью, победой вселенной над ее отдельными и разъединенными частями —

Und alles umarmt sich rings umher
Es gibt keine einzelnen Rechte mehr.
Es oeffnet jed' Leben dem anderen die Brust.
...Alles ist freundlich wohlwollend verbunden,
Bietet sich tröstend und trauernd die Hand
Sind durch die Nächte die Lichter gewunden,
Alles ist ewig im Innern verwandt**.

(«Все вокруг обнялось,
нет отдельных (единичных) прав.
Каждая жизнь грудь открывает другой.
Все радостно и благосклонно связано,
предлагает утешительно и скорбно руку.
Огни сплетенные ночами,
все внутренне испокон веков связано родством». — *Р. М., И. Д.*)

Prächtigt war die Nacht nun aufgegangen,
Hatte alle mütterlich umfängen,
Freund und Feind mit leichtem Friedenskuss.
...Es hat die alte Nacht
Alles wieder gleich gemacht***.

(«Ночь взошла роскошно,
всех по-матерински обняла,
друга и врага легким мирным поцелуем.
...Древняя ночь
снова все сравнила». — *Р. М., И. Д.*)

Человеку хочется «затеряться» в этом триумфальном всеединстве. «Мне кажется, что я хотел бы затеряться, превра-

* *Von Eichendorff*. I. S. 99; ср.: *Gedichte*. S. 138—139 («Nachtfeier»).

** *Brentano*. III. S. 248; V. S. 154.

*** *Von Eichendorff*. *Gedichte*. S. 158, 184.

тяться в другое существо, как одни деревья теряются среди других» *. «Мы тонем в ночном хаосе, как в огромном море», «мы начинаем быть незаметными и поглощенными» — потому что «нигде нельзя удержаться; тогда наш мир выглядит как первобытная Земля», «которая также охвачена разрушением» **.

Эта всеобъединяющая сила ночи выражается и в том удивительном факте, что приближает к нам давно минувшее и пространственно далекое. Ночь «приближает к душе отдаленные местности и людей» ***. «Ночь так далека и тиха, как сон, как будто можно было бы сквозь горы говорить со всеми, кого любишь вдали».

Und meine Seele spannte
Weit ihre Flügel aus,
Flog durch die stille Lande,
Als flöge sie nach Haus ****.

(«И моя душа
широко распростерла свои крылья,
полетела над тихим краем так,
будто бы летела домой». — Р. М., И. Д.)

Тени сизые сменились,
Цвет поблекнул, звук уснул,
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул.
— И осен по дороге тени
Уже в одну слились тень. (74)

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души.
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай (55).

И слияние с вселенной также достижимо —

Час тоски невыразимой,
Все — во мне и я во всем (54),

* Brentano. V. S. 318.

** Tieck. Wil. Lovell. III. S. 285.

*** Brentano. III. S. 245.

**** Von Eichendorff. Schloss Dürande. Insel. S. 55. Gedichte. C. 220 («Mondnacht»); ср. Gedichte. S. 67 («Erinnerung», № 2).

когда ночной мир души, притаившийся в душе хаос внемлет
звукам ночного ветра:

Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться (88).

Всякое Я ждет та же участь, что и льдины, увлекаемые ве-
сенней бурей —

Все вместе, малые, большие,
Утратив прежний образ свой.
Все безразличны, как стихия,
Сольются с бездной роковой
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое я!
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя? (111)

Для Тютчева звучит даль: звучит «в небе» (48), слышно да-
лкое звучанье (54), возникают образы «на краю Земли» (68),
«в сумрачной дали».

Тютчев спокойно принимает человеческую судьбу — судьбу
уничтожения — он хочет утопить «целую свою душу» в ночном
море — в ночной вселенной (183)*.

* * *

Мы не можем и не желаем утверждать, что на сны Тютчева
влияли определенные сочинения или фрагменты сочинений
немецкой романтической поэзии. Но иногда сходство мыслей и
образов настолько бросается в глаза, что вывод о близком зна-
комстве Тютчева с идеями немецких романтиков, с «филосо-
фией ночи» кажется во всяком случае очень правдоподобным.

Конечно, существует некоторая разница между романтизмом
Тютчева и немецким романтизмом. Тютчев меньше чувствует
«субъективистский» мотив романтической мысли. У него мы
почти не найдем намеков на ту часто присутствующую у не-
мецких романтиков идею, что мир — лишь отражение нашего
Я, что — особенно — ночь есть фон для свободной игры нашей
фантазии. Тютчеву абсолютно чуждо всякое прославление сво-
бодного Я, «свободной субъективности». В мире он главным
образом видит онтологическое, космическое, бесконечно воз-
вышающееся над нами, его взгляд все время поднят к вечному
и к Абсолютному — настроение, которое нередко встречается

* Ср. «Mobile comme l'onda» (С. 138—139).

также и у романтиков (особенно в так называемом «позднем» романтизме). Только у Тютчева более присутствует преданность, приверженность абсолютному; страх перед хаосом, перед саморастворением во вселенной выражен у него менее остро, чем у Тика. Он отдается вселенной, так как не абсолютизирует свою личность, свое Я. Поэтому он может и хочет понять все чуждое ему, он более «объективистский», чем немецкие романтики. И поэтому его язык и форма имеют в себе что-то «классическое».

Перечисленные особенности объясняются, вероятно, личным своеобразием Тютчева, а может быть, также и особой чеканкой «русского духа»*. Во всяком случае, как здесь, так и во множестве других случаев мы видим, что немецкая философская мысль и немецкая философская поэзия стала началом и точкой отсчета для самостоятельного развития русской мысли, или, говоря точными словами Тютчева — «первой любовью» пробудившейся к философскому самосознанию русской души**.

ДОПОЛНЕНИЕ

Ф. Ф. фон Мальтиц не был выдающимся поэтом. Мы не смогли бы поставить его рядом с крупными представителями немецкой романтической поэзии. Но не следует забывать, что его «Стихотворения» (опубликованные в 1817 году в Карлсруэ), в которых прослеживается сильная зависимость от романтической поэзии того времени, могли пробудить внимание Тютчева к «философии ночи». Ночное настроение — собственно один из наиболее излюбленных мотивов в стихотворениях Ф. Ф. фон Мальтица. Однако он не способен поэтически изобразить

* Ср. *Frank S. Die russische Weltanschauung*. Berlin, 1929. Возрождение одушевляет «философию ночи» у Бердяева (Новое Средневековье / Нем. пер. А. Креслинга. Дармштадт, 1926). Но Бердяев выделяет в «философии ночи» философско-исторические моменты. Эта мысль о высоком значении «ночной» стороны исторических событий ни в коем случае не чужда Тютчеву. Ср. стихотворения Тютчева «Цицерон» (С. 79), «Из края в край...» (С. 84).

** Во времена Тютчева существовала русская романтическая философия (шеллингианство). Но для мюнхенского периода Тютчева ее влияние не принимается во внимание, а ко времени своего возвращения в Россию Тютчев был уже полностью сформировавшейся личностью.

зять это настроение, так как его художественные средства слишком скудны (ср. постоянно повторяющиеся рифмы: *Nacht — Pracht — Macht*). Баллада «Ночное лицо» подсказывает нам, что автор был знаком с психологией немецкого романтизма, — в центре тут стоит проблема двойного зрения, т. е. дневного, которое сообщает нам факты из материального мира, и ночного, которое связывает человека с царством духов. Эта баллада, несмотря на ее поэтические недостатки, могла бы пробудить интерес Тютчева к философии ночи, если он не был знаком с ней раньше.

К финалу мы хотели бы подчеркнуть, что для нас важна не столько зависимость Тютчева от романтических мыслей и мира образов, сколько его принадлежность к духовному единству (которое следует рассматривать вне времени и вне пространства), к единству так называемого «романтизма».

1927

